

Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссійска

Н. Каринскаго

Въ началѣ 1920 года, хотя Добровольческая Армія Юга Россіи и казаки, откатившись отъ Курска и Харькова и очистивъ Ростовъ, остановились за Дономъ и успѣшно отражали атаки красныхъ, все же чувствовалась и общая растерянность команднаго состава, и слабость только что образованнаго Южно-Русскаго Правительства.

Въ это время я былъ назначенъ Начальникомъ Черноморской губерніи, а вскорѣ затѣмъ на меня было возложено и управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Южно-Русскаго Правительства.

Послѣднее назначеніе при наличіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Зеелера объяснялось тѣмъ, что Южно-Русское Правительство должно было находиться въ Екатеринодарѣ, гдѣ была ставка Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, а Министерства со всѣмъ служебнымъ аппаратомъ, архивами и т. д. были эвакуированы изъ Ростова въ Новороссійскъ, губернской городъ Черноморской губерніи.

Принимая оба назначенія, я понималъ, что дѣло Добровольческой Арміи почти безнадежно, но видя бѣгство многихъ, стоящихъ во главѣ гражданскаго управленія, я считалъ, что при такихъ условіяхъ все и всѣ будутъ брошены на произволъ судьбы.

Такъ что на свое назначеніе я смотрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ на способъ спасти хотя бы нѣсколько тысячъ людей и вывезти ихъ изъ Новороссійска.

Когда я переѣхалъ изъ Екатеринодара въ Новороссійскъ, то увидалъ, что дѣло обстоитъ значительно хуже, чѣмъ я предполагалъ.

Деморализація среди чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (да и другихъ тоже) была полная. Тяга за границу была сильнѣйшая, и я первое время былъ занятъ въ значительной степени тѣмъ, что увольнялъ согласно прошеніямъ чиновниковъ, оставлявшихъ одинъ за другимъ подъ разными предлогами свои посты. Я рѣшилъ, что съ этимъ матеріаломъ, охваченнымъ безумной паникой, все равно никакого дѣла не сдѣлаешь. Лицъ же, занимавшихъ такія должности, которыя смѣнить въ такое время было нельзя безъ ущерба для дѣла (какъ напримѣръ Завѣдующаго Эвакуаціей и. д. Губернатора С. Д. Тверского) я всячески уговаривалъ остаться.

Любопытный разговоръ былъ у меня съ упомянутымъ С. Д. Тверскимъ, бывшимъ въ то время Помощникомъ Главнначальствующаго по гражданской части и. д. Губернатора.

Дѣло въ томъ, что Начальникъ Черноморской губерніи получилъ по закону права Главнначальствующаго и при немъ было создано двѣ должности Помощниковъ Начальника Губерніи (одна для Управленія губерніей, другая для завѣдыванія эвакуаціей) и 4 должности чиновниковъ особыхъ порученій.

Сдѣлано это было по моему настоянію, такъ какъ мнѣ приходилось и управлять Министерствомъ и губерніей, и завѣдывать эвакуаціей. Положиться же на старый составъ въ виду его паническаго настроенія я не могъ, и хотѣлъ имѣть около себя людей безстрашныхъ, на которыхъ я могъ бы положиться.

Такими людьми были М. П. Шаповаленко, бывшій Товарищъ Прокурора Крымской Судебной Палаты, работавшій со мною въ Крыму, гдѣ я былъ Прокуроромъ Палаты, и С. И. Тельпуговъ, Товарищъ Прокурора Московской Судебной Палаты.

Первый принялъ на себя управленіе губерніей, а второй ближайшее завѣдываніе текущей работой Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ Члена Совѣта М. В. Д.

С. Д. Тверской по своей должности завѣдывалъ эвакуаціей.

Я предложилъ ему остаться на своемъ посту, такъ какъ находилъ, что въ такой серьезный моментъ нельзя мѣнять людей, ведущихъ столь отвѣтственную работу и уже знакомыхъ съ нею. Должность же Помощника Начальника губерніи съ правами Главнначальствующаго и Помощника Главнначальствующаго, которую занималъ С. Д. Тверской, были въ служебномъ отношеніи равноцѣнны.

Тверской категорически отказался. Я, заявилъ онъ мнѣ, не могу служить при лѣвомъ Министерствѣ, по существу ничего не имѣя противъ того, чтобы служить съ Вами.

Послѣ моихъ настояній, послѣ указаній на невозможность «перепрягать лошадей по серединѣ брода» С. Д. Тверской согласился продолжать завѣдывать эвакуаціей до конца, но съ тѣмъ, чтобы формально во главѣ ея была постановлено другое лицо, которое подписывало бы нужныя бумаги и завѣдывало частью эвакуаціи (кажется, эвакуаціей въ Сербію).

Такимъ лицомъ былъ мной назначенъ на правахъ моего помощника С. Л. Флокъ, энергичный и самоотверженный человекъ.

Впрочемъ, С. Д. Тверской не сдержалъ своего слова остаться до конца эвакуаціи и завѣдывать ею, хотя ему ничто не угрожало, такъ какъ въ то время въ моемъ распоряженіи уже былъ особый для всѣхъ чиновъ Министерствъ пароходъ «Віолетта», о чемъ будетъ рассказано ниже.

Отъѣздъ С. Д. Тверского былъ въ сущности бѣгствомъ, и точно также поступили еще два полковника Центрального Управленія Государственной Стражи, фамиліи которыхъ я запомнилъ.

Бѣгство С. Д. Тверского произошло такъ. Однажды, придя на службу, я увидалъ передъ кабинетомъ Тверского большую толпу желавшихъ эвакуироваться, находившуюся въ сильномъ возбужденіи.

На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, мнѣ отвѣтили, что кабинетъ Тверского запертъ, нѣтъ ни одного чиновника изъ его служебнаго персонала и что по ихъ свѣдѣніямъ Тверской бѣжалъ.

Я не могъ повѣрить этому и послалъ разыскивать Тверского, назначивъ ожидавшимъ его придти на другой день.

Разыскать Тверского оказалось невозможно, но въ обѣденный перерывъ, зайдя обѣдать въ ресторанъ, я увидалъ его въ ресторанѣ.

— Сергѣй Димитріевичъ, спросилъ я его, что это значить? Вашъ кабинетъ запертъ, ни Васъ, ни чиновниковъ не было, просители волнуются, говорятъ даже, что Вы бѣжали.

— Какъ видите, ничего подобнаго. Я, какъ обѣщаль, останусь до конца эвакуаціи. Я поѣхаль переговорить съ англичанами въ портъ, а чиновники, очевидно, воспользовались моимъ отсутствіемъ и разошлись. Что дѣлать, дисциплина пала.

На этомъ разговоръ окончился.

Каково же было мое изумленіе, когда въ тотъ же день, часовъ въ 10—11 вечера, ко мнѣ на квартиру пришелъ растерянный Тверской со словами:

— Николай Сергѣевичъ, моя судьба въ Вашихъ рукахъ.

— Что такое, что случилось?

— Видите ли, сегодня ночью или завтра рано утромъ (не помню хорошо) отходить пароходъ «Св. Николай», на которомъ я уѣзжаю. Я былъ у Командующаго Войсками (б. Главноначальствующаго) генераль-лейтенанта Макѣева, но онъ отказался меня отпустить безъ Вашего согласія.

Я былъ пораженъ.

— Да, вѣдь, Вы, Сергѣй Димитріевичъ, сегодня, только что, во время обѣда говорили мнѣ, что Вы, какъ дали слово, останетесь до конца эвакуаціи. Успокойтесь, Вамъ ничего не угрожаетъ, въ моемъ распоряженіи «Віолетта», и Вы всегда успѣете выѣхать. Какъ же можно бросить дѣло?

Но Тверской продолжалъ просить, чтобы я выдалъ ему удостовѣреніе, что не имѣю препятствій къ его отъѣзду.

— Очень имѣю. Не говоря уже о брошенной на произволъ судьбы работѣ по эвакуаціи, Вы не сдали даже денежнаго отчета по губерніи, какъ и. д. Черноморскаго Губернатора.

— Отчетъ со мной, заявилъ Сергѣй Димитріевичъ, я сейчасъ его сдамъ.

— Я не могу его принять въ одну минуту. Вообще его нужно сдать С. Л. Флоку или М. П. Шаповаленко, а не мнѣ лично.

Тогда Тверской сталъ просить присутствующаго у меня С. Л. Флока принять отчетъ.

Флокъ категорически отказался принять отчетъ ночью безъ провѣрки.

Тверской всталъ, озлобленный.

— Такъ, Николай Сергѣевичъ, не дадите удостовѣренія?

— Не могу, С. Д.

Мы разстались крайне холодно.

Черезъ часъ звонокъ по телефону Командующаго Арміей генераль-лейтенанта Макѣева.

— Николай Сергѣевичъ, что Вы сдѣлали съ Тверскимъ?

— Я не далъ ему удостовѣренія, онъ не только бросилъ работу, не передавъ ее другому лицу и не сдѣлавъ никакихъ указаній, но даже не сдалъ денежныхъ суммъ по должности Губернатора.

— Смотрите, Николай Сергѣевичъ, вѣдь Тверской сбѣжитъ, сказалъ мнѣ Макѣевъ, не арестовать ли его?

— Ну, что Вы! Я не допускаю мысли, чтобы бывший Прокуроръ Суда сбѣжалъ такимъ образомъ.

— Ну, смотрите.

На слѣдующее утро намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Тверской, дѣйствительно, «сбѣжалъ» на пароходѣ въ ту же ночь.

По произведенному дознанію выяснилось, что С. Д. взошелъ на пароходъ легко

пропущенный контръ-развѣдкою, которая продолжала считать его Губернаторомъ. Были также показанія, что по просьбѣ его пароходъ отошелъ на 2 часа раньше назначеннаго срока.

На утро сюрпризъ:

Является ко мнѣ развязный юноша и приноситъ кучу квитанцій, счетовъ и т. д. и нѣсколько сотъ рублей.

— Это квитанціи и счета Тверского, онъ, уѣзжая, приказалъ мнѣ передать ихъ Вамъ.

— А Вы кто?

— А я секретарь Тверского, но на службѣ не состою. Вотъ бумага, что я уволенъ С. Д. Тверскимъ согласно прошенія.

Пришлось о происшедшемъ составить протоколъ.

А далѣе сюрпризъ за сюрпризомъ. Явились подрядчики, требуя деньги за заказы, сдѣланныя Тверскимъ по должности. Одинъ требовалъ 300,000 рублей, а въ кассѣ всего нѣсколько сотъ.

Бумаги по эвакуаціи, списки эвакуируемыхъ оказались въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, и С. Л. Флоку пришлось сидѣть дни и ночи, чтобы какъ нибудь поправить дѣло и не задержать эвакуаціи населенія.

Черезъ день послѣ отъѣзда Тверского я заѣхалъ къ Министру Финансовъ М. В. Бернацкому, прося выдать мнѣ деньги на расходы по эвакуаціи.

Бернацкій удивился: Вѣдь Тверскому я выдалъ нѣсколько милліоновъ на эвакуацію. Гдѣ они, гдѣ отчетъ?

Вотъ такъ штука.

Когда я подалъ рапортъ Главнокомандующему А. И. Деникину относительно Тверского и двухъ полковниковъ, сбѣжавшихъ также безъ разрѣшенія (такой же рапортъ былъ поданъ, кажется, и Командующимъ Черноморской Арміей), А. И. Деникинъ возмутился и далъ приказъ по радіотелеграфу въ Константинополь задержать Тверского и доставить его обратно въ Новороссійскъ.

Такой же приказъ былъ и относительно обоихъ полковниковъ.

Результата этотъ приказъ не имѣлъ и не помѣшалъ С. Д. Тверскому впослѣдствіи при генерлѣ Врангелѣ получить въ Крыму мѣсто Управляющаго Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Я видѣлъ, что паническое настроеніе чиновниковъ нельзя остановить и чувствовалъ также, что работа Министерства, губернскихъ властей и государственной стражи идетъ не какъ слѣдуетъ изъ-за той же паники и боязни остаться не эвакуированными.

Долженъ сказать, что паникѣ не менѣе гражданскихъ чиновъ были подвержены и военные.

Такъ, Командующій Черноморской Арміей генераль-лейтенантъ Макѣевъ, которому я разсказалъ о настроеніяхъ среди гражданскихъ чиновъ, отвѣтилъ: да и у меня то же самое. Всѣ бѣгутъ и скоро я останусь одинъ.

Надо сознаться, что гражданскіе чины имѣли основаніе бояться, что ихъ не эвакуируютъ, памятуя, какъ проходила эвакуація Харькова, Курска, Ростова, когда гражданскіе чины извѣщались въ самую послѣднюю минуту и должны были заботиться сами о себѣ, чтобы не быть брошенными и оставленными не любившимъ шутить большевикамъ.

Чтобы не остаться безъ чиновниковъ и безъ государственной стражи, я обратился къ Правительству съ просьбой предоставить спеціально для служащихъ во всѣхъ Министерствахъ какой либо большой пароходъ на случай эвакуаціи. Тогда,

писалъ я, всё будутъ знать, что они не будутъ брошены въ случаѣ краха и будутъ вмѣстѣ съ семьями вывезены изъ Новороссійска. Какъ на подходящій пароходъ, я указалъ на большой транспортъ «Віолетту», могущій вмѣстить всѣхъ чиновъ всѣхъ Министерствъ и другихъ лицъ неслужащихъ, но которымъ по ихъ дѣятельности грозила опасность въ случаѣ прихода большевиковъ.

«Віолетта» имѣла пробоину, чинить которую было негдѣ, и была предоставлена Министерству Путей Сообщенія, такъ какъ желѣзнодорожники взялись ее починить, рассчитывая, что въ случаѣ, если имъ это удастся, они смогутъ вывезти себя и свои семьи. Эта надежда давала имъ возможность самоотверженно работать на своихъ мѣстахъ, не боясь приближенія непріятеля.

Въ отвѣтъ на свое ходатайство я получилъ отъ Министра Путей Сообщенія Звѣрева телеграмму, направленную также Начальнику Морского Транспорта генераль-майору Ермакову, въ которой Министръ извѣщалъ, что согласно постановленія Южно-Русскаго Правительства транспортъ «Віолетта» предназначается для перевозки всѣхъ Министерствъ и поступаетъ въ распоряженіе Начальника Черноморской губерніи.

Получивъ эту телеграмму, я отправилъ на «Віолетту» своихъ чиновниковъ особыхъ порученій инженера Черникова и Г. И. Царика, чтобы они осмотрѣли пароходъ, выяснили степень его готовности, количество мѣстъ и груза, который возможно погрузить и т. д.

Г. И. Царикъ, артиллерійскій офицеръ, долженъ былъ кромѣ того остаться на пароходѣ въ качествѣ коменданта или распорядителя отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдующаго охраной парохода, въ его распоряженіе поступала также организованная для охраны парохода команда.

Оба чиновника, однако, не были допущены на пароходъ, такъ какъ по заявленію коменданта или капитана парохода «Віолетта» онъ обязанъ подчиняться лишь приказанію генераль-майора Ермакова, отъ котораго никакихъ распоряженій не поступало.

Моя бумага Ермакову не оказала никакого дѣйствія. Объясненія съ Ермаковымъ моихъ помощниковъ также не привели ни къ какому результату.

Только недѣли черезъ полторы-двѣ, когда Южно-Русское Правительство перѣхало въ Новороссійскъ, удалось настоять, чтобы генераль Ермаковъ отдалъ необходимый приказъ.

На пароходѣ помѣстился Г. И. Царикъ во главѣ охраны, а инженеръ Черниковъ, потерявъ даромъ эти полторы-двѣ недѣли, спѣшно занялся устройствомъ необходимыхъ приспособленій, чтобы дать хоть какія нибудь самыя примитивныя удобства будущимъ пассажирамъ «Віолетты».

Что генераль-майоръ Ермаковъ всячески тормозилъ передачу «Віолетты» въ распоряженіе Начальника Черноморской губерніи мнѣ было понятно, тамъ преслѣдовались свои цѣли.

Но было совершенно непонятно, почему этой передачей были недовольны высшіе чины путейскаго вѣдомства, съ которыми мнѣ пришлось имѣть крупное объясненіе.

Они хотѣли и настаивали, чтобы я передалъ распоряженіе «Віолеттой» исключительно имъ и очень были недовольны, когда я отказалъ имъ въ этомъ, указавъ, что разъ я несу отвѣтственность за дѣло, то и не могу передать ее хотя бы въ порядкѣ подчиненности людямъ, мнѣ незнакомымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что когда эвакуація закончилась, и мы были уже въ Феодосіи, тѣ же путейцы явились ко мнѣ и благодарили меня за все сдѣланное по эвакуаціи.

Въ послѣдніе дни эвакуаціи и въ особенности теперь, оглядываясь назадъ, говорили они, мы видимъ, что только благодаря Вамъ мы были вывезены, иначе мы не были бы взяты на пароходъ.

Привожу эти слова не для своего восхваленія, но чтобы показать, какова была обстановка въ то время въ Новороссійскѣ.

Одновременно съ командировкой Черникова и Царика мною было образовано совѣщаніе изъ представителей всѣхъ Министерствъ подъ предсѣдательствомъ Члена Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ С. П. Тельпугова для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ порядкомъ эвакуаціи на «Віолеттѣ» и для оповѣщенія Министерствъ о времени погрузки и посадки.

Когда по моимъ свѣдѣніямъ положеніе Новороссійска сдѣлалось угрожаемымъ, я обратился къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Зеелеру и Предсѣдателю Совѣта Министровъ Мельникозу съ просьбой разрѣшить начать погрузку имущества Министерствъ и посадку семей на пароходъ «Віолетту».

На представленіе ихъ по этому поводу послѣдовалъ отказъ, такъ какъ Главнокомандующій нашелъ, что это вызоветъ большую панику.

Правда, этотъ отказъ вызывалъ большое недоумѣніе. Паника и такъ была и вызывалась положеніемъ на фронтѣ и нахлынувшими въ городъ воинскими частями, которые самоуправничали на улицахъ города, производили самочинные набѣсы, обыски и поборы, буйствовали, а, главное, подыскивали себѣ пароходы для отъѣзда.

Но какъ нѣ ясно было, что огромное имущество вѣдомствъ, своевременно не погруженное, останется краснымъ, какъ это было въ другихъ городахъ при безчисленныхъ эвакуаціяхъ, приходилось повиноваться прямому приказу А. И. Деникина.

8 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ С. П. Тельпугова было назначено обычное эвакуаціонное совѣщаніе представителей всѣхъ Министерствъ, которые очень нервничали, видя, что каждый часъ промедленія можетъ погубить дѣло эвакуаціи имущества вѣдомствъ. Особенно опасались за машины Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (которые такъ и не были вывезены). Большое имущество было у Министерства Торговли, какъ и у другихъ Министерствъ.

Приѣхавъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ на это совѣщаніе, я объявилъ, что Главнокомандующій отказалъ въ разрѣшеніи начать погрузку, но отъ себя добавилъ, что по моимъ свѣдѣніямъ, положеніе очень серьезное и Министерства должны быть готовы эвакуироваться каждую минуту.

Въ ту же ночь я былъ вызванъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ мнѣ было объявлено Предсѣдателемъ Южно-Русскаго Правительства, что положеніе катастрофическое, и Главнокомандующій потребовалъ, чтобы Министры немедленно уѣзжали въ Севастополь на пароходѣ (кажется, «Бургомистръ Шредеръ»), отходящемъ утромъ.

Я же долженъ остаться и озаботиться немедленной погрузкой Министерствъ на «Віолетту».

Правда, добавили Министры, пароходъ, какъ говорятъ, захваченъ силою какой то гвардейской частью, но она «будетъ выбита».

Вообще же, по словамъ Министровъ, въ моемъ распоряженіи имѣлось всего два-три дня.

Вернувшись домой подъ утро и недоумѣвая, какъ я буду грузить на пароходъ, захваченный гвардейцами, и съ помощью какихъ силъ при общей разнузданности войскъ, не признающихъ никакого начальства, удастся «выбить» гвардейцевъ, я отправился на пароходъ узнать въ чемъ дѣло.

Оказалось, что дѣйствительно около 200 гвардейцевъ ворвались на пароходъ, но благодаря такту Г. И. Царика, командующаго охраной парохода, удалось придать этому видъ недоразумѣнія. Мало того, Царикъ включилъ эту часть въ свою охрану и разставилъ пикеты по пристани; и гвардейцы очень ревностно исполняли свои новыя обязанности, не допуская самовольной посадки на пароходъ своихъ товарищей-дезертировъ.

Въ тотъ же день утромъ я отправился съ докладомъ къ А. И. Деникину.

«Віолетта» можетъ идти, сказалъ мнѣ Главнокомандующій, но Вы, какъ Начальникъ губерніи, должны остаться до послѣдняго момента.

На это я указалъ, что въ виду введенія осаднаго положенія у меня нѣтъ никакой власти и никакого аппарата, ибо всѣ дѣла и государственная стража съ момента введенія осаднаго положенія подчинены Командующему войсками.

— Остаться я могу до послѣдняго момента, — сказалъ я при этомъ, но на чемъ я выѣду, если уйдетъ «Віолетта». Можетъ быть Вы дадите мнѣ мѣсто на своемъ миноносцѣ?

— У меня нѣтъ свободныхъ мѣстъ, рѣзко отвѣтилъ А. И. Можете уѣзжать на «Віолеттѣ».

Я откланялся; по дорогѣ заѣхалъ къ Командующему войсками генераль-лейтенанту Макѣеву и рассказалъ ему и о распоряженіи Правительства относительно «Віолетты», и о моемъ разговорѣ съ А. И. Деникинымъ.

— Конечно, уѣзжайте съ «Віолеттой», — сказалъ мнѣ Макѣевъ, — иначе Васъ оставятъ здѣсь. А что касается работы, то во первыхъ, у Васъ ея и нѣтъ, а во вторыхъ, и у меня не осталось помощниковъ, всѣ бѣжали, распоряжаюсь я только самъ собой. Больше дѣлаю видъ. Совѣтую скорѣе уѣзжать и вывозить кого нужно.

Разстались мы очень сердечно и я поѣхалъ распорядиться на счетъ эвакуаціи,

Погрузка началась 9 марта утромъ, но за отсутствіемъ средствъ передвиженія и огромной толпы бѣженцевъ, запрудившихъ всѣ улпцы, удалось доставить къ пароходу только небольшую часть имущества Мнистерствъ.

10 марта я распорядился начать одновременно съ погрузкой и посадку людей, несмотря на протесты капитана «Віолетты», который доказывалъ невозможность одновременно грузить имущество и людей.

Отходъ парохода я назначилъ на 11 марта, предполагая, что посадка трехъ-четырехъ тысячъ человекъ будетъ закончена благодаря выработанному плану въ одинъ день, т. е. 10 марта, а на слѣдующій день удастся закончить и погрузку.

При этомъ, такъ какъ «Віолетта» была отдана въ мое распоряженіе, я считалъ, что время отхода зависитъ исключительно отъ меня. Торопилъ же я съ посадкой, такъ какъ, по словамъ Предсѣдателя Правительства, у меня было въ распоряженіи всего 2–3 дня, да кромѣ того я боялся подхода недисциплинированныхъ войскъ, которыя, не довѣряя своему начальству, боясь, что ихъ бросятъ въ Новороссійскѣ, самовольно оставляли фронтъ и шли на Новороссійскъ, захватывая поѣзда, а иногда и вступая въ бой съ находившимися въ вагонахъ отступающими частями чтобы выбить ихъ изъ поѣзда и занять ихъ мѣсто.

Завѣдующему погрузкой и посадкой чиновнику Мнистерства Внутреннихъ Дѣлъ Черникову я отдалъ распоряженіе отвести на почъ «Віолетту» отъ пристани, боясь покушеній на взрывъ парохода или захвата его; а рано на разсвѣтѣ «Віолетта» должна была снова подойти къ пристани и догрузиться.

Совершенно неожиданно для меня, въ восьмомъ часу вечера, комендантъ парохода, старшій лейтенантъ Слезкинъ, объявилъ мнѣ, что имъ получено распоряженіе отъ генераль-майора Ермакова, чтобы «Віолетта» отошла въ тотъ же день, 10 марта

въ 8 часовъ вечера, приче́мъ идти должна не въ Севастополь, какъ распорядилось Правительство, а въ Феодосію.

При этомъ онъ добавилъ, что такъ какъ этотъ приказъ Завѣдующаго Морскимъ Транспортомъ генерала Ермакова, его главнаго Начальника, то онъ, Слезкинъ, моихъ распоряженій исполнять не можетъ, а долженъ исполнить приказъ Ермакова.

Полагая, что это недоразумѣніе и что нѣтъ никакихъ основаній, если даже считать главнымъ распорядителемъ «Віолетты» Ермакова, отходить въ 8 часовъ вечера, я отправилъ къ Ермаковку одного изъ своихъ чиновниковъ, чтобы указать на необходимость отложить отходъ «Віолетты» до слѣдующаго дня, такъ какъ часть пассажировъ (около 500) и большое количество цѣннаго имущества не можетъ быть погружено къ 8 часамъ, что пароходу не грозитъ ни малѣйшей опасности, такъ какъ при наступленіи темноты «Віолетта» отойдетъ на рейдъ. Указывалось также Ермакову, что ночью отходить безсмысленно, такъ какъ тогда «Віолетта» придетъ въ Феодосію къ ночи и по дѣйствующимъ правиламъ въ портъ ночью не будетъ впущена, и такимъ образомъ время будетъ все равно потеряно, а люди и имущество останутся непогруженными.

Въ отвѣтъ на это Ермаковъ, игнорируя меня, прислалъ коменданту Слезкину новый «боевой» приказъ, требуя немедленнаго отхода «Віолетты» въ Феодосію.

Этотъ второй «боевой» приказъ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно, но благодаря какой то неисправности (кажется, вызванной мягкосердечіемъ команды) пароходъ задержался часа на полтора—два, чѣмъ и воспользовался Черниковъ и экстренно въ темнотѣ произвелъ дополнительную погрузку и посадку.

Около 10 часовъ вечера «Віолетта» отошла отъ пристани, оставивъ машины экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, всѣ бумаги Министерства Торговли (въ томъ числѣ дѣлопроизводство о заграничной валютѣ на сумму до милліона фунтовъ стерлинговъ), оставивъ часть багажа чиновниковъ и около 200 человекъ, приче́мъ многіе оказались разлученными со своими близкими и даже съ дѣтьми.

Однако, въ воротахъ порта «Віолетта» была задержана на нѣсколько часовъ, такъ какъ Ермаковъ, приказавъ отправить пароходъ немедленно, забылъ сообщить объ этомъ на Восточный маякъ, безъ чего ни одно судно не могло быть выпущено изъ порта.

Новая попытка воспользоваться этой небрежностью и убѣдить Ермакова задержать отправку парохода до утра, сдѣланная по телефону Начальникомъ Части Министерства Торговли и Промышленности Андерсономъ (по телефону съ маяка) успѣха не имѣла, и «Віолетта», потерявъ на бесполезную стоянку около 4 часовъ, передъ разсвѣтомъ ушла изъ Новороссійска.

На борту парохода мной было созвано совѣщаніе изъ Начальниковъ всѣхъ вѣдомствъ и результаты совѣщанія вылились въ рапортъ на имя Главнокомандующаго (см. приложение).

Кромѣ того мной были послана уже изъ Феодосіи, — куда «Віолетта», какъ мы и ожидали, пришла ночью и не была впущена въ портъ, потерявъ опять время въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на новую бесполезную стоянку, — телсграмма Завѣдующему эвакуаціей воинскихъ чиновъ генераль-лейтенанту Вязьмитинову съ просьбою позаботиться о брошенномъ имуществѣ и людяхъ.

Объ обстоятельствахъ эвакуаціи «Віолетты» было доложено мной также Южно-Русскому Правительству, доживавшему въ Крыму послѣдніе дни.

Впрочемъ, все это не имѣло никакого значенія, а генераль Ермаковъ продолжалъ оставаться въ своей должности и при генералѣ Врангелѣ, когда ни о Южно-Русскомъ Правительствѣ, ни объ юстиціи уже не было и помину.